Вл. Гордлевскій.

УГОЛОКЪ РОССІИ ВЪ ТУРЦІИ.

Старообрядческая деревня подъ Акъ-шехиромъ.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1913.

Вл. Гордлевскій.

УГОЛОКЪ РОССІИ ВЪ ТУРЦІИ.

Старообрядческая деревня подъ Акъ-шехиромъ.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1913.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
805570

Уголокъ Россіи въ Турціи [1]).

Старообрядческая деревня подъ Акъ-шехиромъ.

I.

Искони Малая Азія была международнымъ постоялымъ дворомъ, ворота котораго были раскрыты передъ дикими средне-азіатскими ордами и благочестивыми европейскими крестоносцами; съ высотъ мало-азіатскаго плоскогорья раздавалась страстная проповѣдь апостола Павла и мистическое ученіе поэта Джеляль-эд-дина Руми. Подъ вліяніемъ вѣчнаго броженія въ Малой Азіи создался живой этнографическій музей, обзоръ котораго объясняетъ исторію страны. Мечъ османцевъ [2]), пока сильна была ихъ длань, задерживалъ въ Малой Азіи теченіе народовъ. Но въ XIX вѣкѣ снова всплываютъ древнія традиціи восточнаго гостепріимства, снова Малая Азія стонетъ отъ гула эмигрантовъ. Теперь идетъ, такъ сказать, обратное движеніе, съ запада на востокъ,—движеніе, во главѣ котораго стоитъ хозяинъ страны, османецъ.

Гроза европейскихъ народовъ, пока они были еще въ путахъ средневѣковья, османецъ давно ослабѣлъ. Подъ стѣнами Вѣны (въ 1683 г.) усомнилась Европа въ могуществѣ османцевъ. Съ тѣхъ поръ, уступая силѣ, они медленно, шагъ за шагомъ покидаютъ завоеванныя земли. Судьба ихъ въ Европѣ уже предрѣшена. Османецъ остро чувствуетъ это со времени русско-турецкой войны 1877—1878 годовъ. Покорный волѣ Аллаха, потянулся онъ изъ Румеліи въ Малую Азію, колыбель славы османцевъ, куда заблаговременно уноситъ онъ кости предковъ. Османецъ гордъ, чтобы жить бокъ-о-бокъ со вчерашнимъ „райей“, балканскимъ славяниномъ. Онъ бросаетъ землю, вспаханную кровью отцовъ, а въ душѣ скопляется у него озлобленіе противъ „франка“, виновника его униженій.

[1]) Въ основу этой статьи положенъ докладъ, читанный авторомъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

[2]) Родовой терминъ „турки“ въ русской наукѣ,—когда рѣчь заходитъ объ османскихъ туркахъ (туркахъ, населяющихъ Турцію),—начинаетъ уже замѣняться терминомъ „османцы“.

Вообще русско-турецкая война, „великая война", какъ говорятъ османцы,—всколыхнула мусульманъ. „Москофъ" нависъ надъ мусульманами, какъ страшное привидѣніе. Мусульмане областей, отошедшихъ отъ Османской имперіи, хлынули въ Малую Азію, унося въ сердцѣ обиду. Какъ зараза, эмиграція захватила крымскихъ татаръ, ея отголоски отдались даже среди волжскихъ татаръ. Они бѣгутъ изъ Россіи, потому что тяжелы экономическія условія жизни, они бѣгутъ въ „Исламбулъ" (городъ ислама), чтобы сохранить вѣру отцовъ, они бѣгутъ... потому, что бѣгутъ ихъ сосѣди, хотя скоро раскаиваются. Однако суровая дѣйствительность ихъ отрезвляетъ отъ радужныхъ мечтаній о земномъ раѣ, устрояемомъ султаномъ для своихъ подданныхъ, но путь къ отступленію уже отрѣзанъ, и, чтобы разжалобить османцевъ, эмигранты сгущаютъ краски и рисуютъ въ мрачномъ видѣ свое житье подъ русскимъ владычествомъ.

Малая Азія кишитъ „мухаджирами" (переселенцами). Ихъ грубый языкъ, подчасъ хищническіе нравы возбуждаютъ въ османцѣ паническій ужасъ. Значитъ, пробилъ послѣдній часъ турецкаго племени, если татары возвращаются въ Азію, откуда ихъ славные предки вышли для завоеваній.

Не только мусульмане, но и христіане открыли мирное шествіе въ страну. Миссіонеры уже покрываютъ Малую Азію сѣтью школъ, подготовляя (быть можетъ, не такъ отдаленное) возрожденіе христіанскихъ народностей, томящихся подъ ярмомъ османцевъ. Въ рукахъ европейцевъ сосредоточиваются промышленныя и торговыя предпріятія, для веденія которыхъ у османцевъ нехватаетъ ни капитала, ни смѣтки. Въ исторіи эксплоатаціи Малой Азіи выдвигается германецъ (нѣмецъ) и славянинъ („казакъ"). Опытъ вѣковъ указываетъ исходъ состязанія между этими племенами.

Сильный богатствомъ старой культуры, вступилъ нѣмецъ въ Малую Азію, чтобы выстроить „Багдадскую желѣзную дорогу". Его молотъ стучитъ въ ущельяхъ горъ; былыя гнѣзда разбойниковъ оглашаются свисткомъ нѣмецкаго локомотива. Близко время, когда Малая Азія наводнится толпами нѣмецкихъ колонистовъ. Они внесутъ въ страну элементы европейской культуры, потому что они бодры духомъ, потому что ихъ поддерживаетъ государство, для котораго вопросы о захватѣ въ Малой Азіи рынковъ и о сбытѣ излишка населенія представляютъ крупное значеніе. Говорятъ, что для десятковъ тысячъ нѣмцевъ заготовлены въ Малой Азіи земли, но иммиграція отсрочена, такъ какъ Германія хочетъ, чтобы колонисты Малой Азіи сохранили права иностранныхъ (нѣмецкихъ) подданныхъ.

Договоры, заключенные между Россіей и Турціей, хотя предоставляютъ для русскихъ большія льготы, однако только тормазятъ развитіе Малой Азіи, потому что, съ одной стороны, халатность правительства,

а съ другой—непредпріимчивость и неустойчивость русскаго промышленника губятъ всякое дѣло въ зародышѣ. Печальная исторія русскихъ селеній въ Малой Азіи выпукло подтверждаетъ эту мысль. Пасынки Россіи обречены въ Малой Азіи на вымираніе. Какъ затравленный звѣрь, „казаки" (подъ этимъ именемъ извѣстны въ Турціи русскіе выходцы) мечутся изъ угла въ уголъ.

Стѣсненія въ исповѣданіи старой вѣры, уничтоженіе казацкихъ вольностей вынуждали русскихъ людей идти на чужбину. Они охотно шли въ Романію (Румынію), потому что мусульманскіе законы избавляли ихъ отъ тяготъ военщины. Жизнь подъ османцемъ была спокойна. Дельта Дуная (Добруджа) скоро украсилась селеніями русскихъ эмигрантовъ. Но если въ Румыніи былъ обезпеченъ кусокъ хлѣба, религіозное чувство старообрядца было оскорблено зрѣлищемъ разврата. „Не только въ городахъ, но и въ деревняхъ завелось шинкарство и непотребство", жаловался мнѣ старообрядецъ.—Отчего?—„Пять тысячъ лѣтъ тому назадъ царствовалъ великій царь Траянъ. Онъ построилъ черезъ Дунай нѣсколько мостовъ, развалины которыхъ еще доселѣ видны, и населилъ Романію колодниками; а когда они стали ворчать на скуку, онъ посбиралъ имъ со всего свѣту худыхъ женщинъ. Отъ нихъ народъ въ Румыніи испортился. Это—чудная земля, даже румынъ смѣется".

Со времени образованія Румынскаго королевства казаки подпали подъ общіе законы. Они снова поднялись, чтобы спасать свою вѣру. Но, точнѣе, подъ знаменемъ вѣры они укрывались отъ вторженія въ ихъ жизнь культуры. Судьба какъ бы издѣвалась надъ ними. Ихъ смѣлые предки, казаки, на утлыхъ ладьяхъ подплывали къ берегамъ Анатоліи и грабили басурманскую землю; ихъ отцы умирали въ турецкихъ тюрьмахъ за христіанскую вѣру. Съ молокомъ матери всасывалъ казакъ ненависть къ турчину. Между тѣмъ, нужда гонитъ ихъ въ объятія османцевъ, потому что подъ „турецкимъ полумѣсяцемъ" царствуетъ свобода совѣсти. Если бы османцы отвели имъ земли, тысячи румынскихъ казаковъ устремились бы въ Малую Азію, такъ какъ румынъ грозитъ имъ „троеперстнымъ сложеніемъ креста".

Впрочемъ, казаки безбоязненно идутъ въ Анатолію. Анатолія манитъ ихъ, какъ страна древляго благочестія. Они ищутъ здѣсь христіанъ, уберегшихъ вѣру въ чистотѣ, заповѣданной Христомъ. „Сказывали мадьевскіе казаки (казаки острова Мады на Бей-шехирскомъ озерѣ),—говорилъ мнѣ въ Коніи старообрядецъ,—что есть за Багдадъ-рѣкою большой островъ, а на томъ островѣ живутъ православные русскіе. Разъ поѣхали къ нимъ казаки на „пузыряхъ" [1]), да поднялся сильный вѣ-

---

[1]) Этотъ способъ путешествія по рѣкамъ Тигру и Евфрату извѣстенъ еще изъ вавилонской эпохи.

теръ, такъ и не могли пристать они къ берегу, хотя и слышали церковный звонъ. Сами-то они ѣздятъ въ городъ, а до себя никого не допущаютъ. Былъ еще казакъ; ему какъ-то удалось, слѣдомъ за женщинами, покупавшими въ городѣ провизію, добраться до острова. Когда старцы острова узнали, что онъ—русскій, его впустили, но казакъ никакъ не могъ извѣстить своихъ товарищей о мѣстоположеніи острова".

Такъ какъ рыболовство издавна составляло главное занятіе казаковъ, они селились въ Малой Азіи у воды. Сперва (около ста лѣтъ тому назадъ) они обосновались на озерѣ Майносѣ (подъ Пандермой, Брусскаго вилайета) [1]). Сорокъ лѣтъ тому назадъ горсть казаковъ ушла оттуда на Бей-шехирское озеро. Здѣсь образовалось большое село, но теперь, какъ говорятъ, количество семей упало до 15—20! Большинство пало жертвой свирѣпствующей въ округѣ лихорадки. Одно время (до русско-турецкой войны) на рѣкѣ Захаріи, у ея впаденія въ Черное море, было село Захарьевское; но оно исчезло, и его исторія не была занесена въ лѣтопись русскихъ колоній въ Малой Азіи. Ходятъ темные слухи, что около Самсуна была (а можетъ быть, есть) колонія русскихъ казаковъ [2]).

Вѣковые скитальцы, казаки тоскуютъ среди басурманъ. Пьянство быстро подтачиваетъ ихъ силы. Однимъ словомъ, казаки въ Малой Азіи быстро мрутъ. Тихо, безропотно умираетъ русскій человѣкъ, какъ безропотно страдалъ. Ихъ вопли теряются въ горахъ; соотечественники о нихъ забыли. Изрѣдка заглянетъ въ ихъ деревни случайный путникъ, чтобы вплести еще терній въ скорбную повѣсть страданій русскихъ сектантовъ.

Я хочу подѣлиться впечатлѣніями, вынесенными изъ знакомства со старообрядческой деревней подъ Акъ-шехиромъ, возникшей лѣтъ десять тому назадъ.

II.

Въ восьми верстахъ отъ Коніи, у подошвы горы, откуда узкой лентой сбѣгаетъ рѣчка, утопаетъ въ зелени „райскій садъ", Мерамъ, лѣтняя резиденція Челеби-эфенди, старца ордена „мевлеви" (пляшущихъ дервишей). На склонѣ горы вытянулись высокіе обломки скалъ. Глядя на ихъ странную форму, фантазія создала легенду. Это были люди, но они прегрѣшили передъ Богомъ, за что Онъ обратилъ ихъ въ камень. У дороги надъ обрывомъ выстроена мельница, надъ которой развѣвается

---

[1]) Теперь они выселяются оттуда въ Россію (на Кавказъ); объ этомъ я напечаталъ замѣтку „О русскихъ на Майносѣ" въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, 1911, № 148.

[2]) Библіографія русскихъ колоній въ Малой Азіи указана въ статьѣ В. Ѳ. Минорскаго „У русскихъ подданныхъ султана", *Этнографическое Обозрѣніе*, 1902, № 2 (кн. LIII), стр. 31—86.

османскій флагъ. Подъ сѣнью его живетъ на мельницѣ семья акъ-шехирскихъ старообрядцевъ.

Когда я ѣхалъ на мельницу, навстрѣчу мнѣ бодро шагалъ высокій старикъ, голова котораго была покрыта черной плюшевой шляпой. Это былъ старообрядецъ Ѳедоръ Богачевъ. Заслышавъ русскую рѣчь, старикъ сохранилъ на лицѣ равнодушіе и только недовѣрчиво спросилъ: „Да зачѣмъ вамъ видѣть насъ? Люди, какъ люди". Даже когда мы съ нимъ разговорились, онъ плохо понималъ, какъ я попалъ въ Конію. „Ужъ вы, Вл. А., говорите прямо, мы—люди свои, вѣрно, вы бѣжали изъ Россіи, потому, слышимъ мы, въ Россіи идутъ большія волненія. Русскій ли вы, какой вѣры? Теперь вотъ въ Коніи живутъ крымскіе татары, такъ они по-русски знаютъ не хуже насъ". Такъ рѣдокъ, очевидно, гость изъ Москвы. Впрочемъ, минутное сомнѣніе исчезаетъ, и измученный скитаніями старообрядецъ выкладываетъ свою душу передъ русскимъ. „Живемъ мы, правда, на турецкой землѣ,—вздыхалъ старикъ,—а не лежитъ у меня сердце къ турку, а русскаго завидишь, такъ обрадуешься, какъ родному, Ну, коли вы—русскій,—заключилъ старикъ,—поѣзжайте къ намъ, тамъ на мельницѣ остался мой зять и сынишка, а я мигомъ слетаю въ городъ; завтра праздникъ, ну, нужно купить рыбки и того-сего". Былъ канунъ Преображенія.

Несмотря на густую мучную пыль, взоръ сразу различилъ, среди красныхъ фесокъ мусульманъ и сѣрыхъ „кюлаховъ" мевлеви,—мужиковъ въ русскихъ рубахахъ, съ волосами, остриженными въ кружокъ. Зять Богачева, Мартынъ,—флегма, однако разговоръ у насъ наладился. Объ османцѣ отзывается старообрядецъ свысока, какъ о человѣкѣ низшей культуры. „Вотъ, скажемъ, мельница,—говорилъ Мартынъ,—въ Европеи тамъ или въ Романіи хозяинъ пишетъ на фабрику: пришли мнѣ такой и такой ремень, а турку все равно, ну и высылаютъ ему фальшивые ремни. Году еще нѣтъ, какъ пустили мельницу, а ужъ ремни стали рваться, а стòятъ они, почитай, 10 лиръ (около 86 рублей). Трудъ на мельницѣ требуетъ напряженнаго вниманія и сильно утомляетъ, потому что мельница работаетъ безостановочно. Плата — мѣсячная, 350 лёвовъ,—такъ называютъ они піастръ (8 коп.). Арендаторъ мельницы обѣщалъ-было увеличить жалованье, но пока-что водитъ ихъ. Мельница выстроена городомъ, но сдана въ аренду компаніи купцовъ: османцу, греку и румынскому еврею.

Еврей—давнишній знакомый Богачевыхъ. Онъ сманилъ ихъ въ Турцію. Сперва Богачевы сунулись на островъ Маду, но жизнь среди мадьевскихъ казаковъ (это—потомки некрасовцевъ) не пришлась имъ посердцу. Строгіе старообрядцы отрицаютъ мадьевцевъ. Когда мадьевцы выловили всю рыбу на Бей-шехирскомъ озерѣ, они отправились въ Акъшехирскій лиманъ. Уловъ рыбы былъ удачный. Казаки сразу разбога-

тѣли и увѣсили иконы церквей на островѣ Мадѣ золотыми пятилировками (около 43 рублей). Одновременно съ этимъ у нихъ завелось пьянство, и Богъ ихъ наказалъ. Они мрутъ, какъ мухи. Да они—люди худые,—говорилъ Богачевъ,—волшебники, портятъ другъ друга.

Одно, что восторгало старообрядцевъ на Мадѣ,—это обиліе книгъ. Церкви на Мадѣ завалены старымъ письмомъ. Когда книга истреплется, казаки зарываютъ ее въ землю, такъ какъ переплетное мастерство имъ неизвѣстно. Чтобы похвастаться своимъ богатствомъ, Мартынъ показалъ мнѣ книгу житій святыхъ, которую далъ ему мадьевскій дьякъ въ обмѣнъ на мѣсяцесловъ. „Очень ужъ здѣсь много хорошихъ исторій", говорилъ онъ. Въ концѣ рукою мадьевскаго дьяка списанъ „Свитокъ Іерусалимскій". Въ Іерусалимѣ упалъ съ неба большой камень. Патріархъ молился надъ камнемъ три дня и три ночи. Камень раскололся на-двое и оттуда выпалъ свитокъ. Свитокъ заключаетъ въ себѣ грозное предостереженіе Бога, который видитъ беззаконіе людей и *поповъ*. Только уступая мольбамъ Богородицы, Богъ отсрочилъ Страшный Судъ и снова напоминаетъ людямъ свои заповѣди. Въ свиткѣ подчеркивается заповѣдь о милостынѣ.

Среди разспросовъ время шло быстро. Подъ вечеръ вернулся старикъ, свѣжій, какъ былъ днемъ. Исторія его странствій возбудила во мнѣ жалость и удивленіе.

Отецъ Богачева, Иванъ Кондратьевъ, уральскій казакъ, издавна жилъ въ Черниговской губерніи. Когда Николай I открылъ преслѣдованіе старообрядцевъ, Иванъ Кондратьевъ забралъ свою семью и ушелъ въ Румынію. Это былъ трудолюбивый мужикъ. Передъ смертью (въ 1865 году) онъ могъ уже завѣщать своимъ дѣтямъ каменные дома въ Тульчѣ, на Нѣмецкой улицѣ. Завѣщаніе его, писанное рукою бѣглаго русскаго учителя, отражаетъ строгость міровоззрѣнія старообрядца. Онъ молитъ дѣтей жить между собою дружно и сохранять христіанскій законъ.

Несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, Ѳедоръ Богачевъ отчетливо помнитъ дѣтство, совпавшее со временемъ Крымской войны. У нихъ въ домѣ гостилъ Садыкъ-паша (Чайковскій), польскій эмигрантъ. Поляки, разсказывалъ старикъ, хотѣли убить императора Николая; но ихъ планъ былъ открытъ, и Чайковскій бѣжалъ въ Турцію. Ну, конечно, Чайковскій былъ княжеской породы; къ тяжелой работѣ онъ не привыкъ, и сталъ онъ просить у султана „Мичита" (Абдулъ-Меджида) мѣста. Сперва султанъ ему не довѣрялъ. „Ты обрѣжься, прими нашъ законъ, тогда ты мнѣ другъ". Чайковскій принялъ исламъ. Когда началась война, Садыкъ-паша образовалъ на Дунаѣ летучіе полки, въ составъ которыхъ вошли поляки, „мажары" (мадьяры) и русскіе казаки. Одинъ изъ полковъ стоялъ въ селѣ, гдѣ отецъ Богачева былъ старостой. Послѣ войны Богачевъ-отецъ былъ представленъ къ наградѣ: султанъ хотѣлъ пожаловать

ему шашку и золотую медаль „за услуги, оказанныя во время войны“; но Богачевъ, въ которомъ не совсѣмъ еще угасло воспоминаніе о прежней родинѣ, съ гордостью отказался отъ дара. „Теперь-то все это пригодилось бы намъ, да кто тогда зналъ, что черезъ пятьдесятъ лѣтъ опять будемъ въ Турціи,—сокрушался старикъ. — Мой отецъ передъ смертью сжегъ всѣ, какія у него были, бумаги“.

Въ семидесятыхъ годахъ Богачевъ жилъ уже въ Бухарестѣ. Здѣсь онъ завелъ мельницу; но съ началомъ русско-турецкой войны рабочіе разбѣжались; Богачевъ потерялъ все, что̀ имѣлъ. Съ этого момента открывается въ его жизни эпоха скитаній. Спасаясь отъ военной службы, Богачевъ исходилъ Румынію вдоль и поперекъ. Но въ концѣ-концовъ онъ долженъ былъ уйти въ Болгарію. Эта пора совпадала со „стамбуловскимъ терроромъ“. Въ теченіе двухъ недѣль Богачевы должны были жить на плоту, такъ какъ ихъ не спускали на берегъ. Послѣ долгихъ стараній онъ устроился въ Никополѣ, гдѣ снова пустилъ мельницу. Рвеніе Богачева обратило на него вниманіе болгарскаго правительства, которое наградило его „за мастерство“ серебряной медалью. Между тѣмъ, дѣти Богачева, какъ болгарскіе подданные, были призваны къ отбыванію воинской повинности. Тогда старикъ разослалъ членамъ своей семьи (разбросаннымъ въ Румыніи) письма, въ которыхъ звалъ ихъ къ себѣ. На семейномъ совѣтѣ единогласно было рѣшено выселиться въ Туречину.

Мухаджирская комиссія (въ Константинополѣ), въ рукахъ которой сосредоточены дѣла объ иммигрантахъ, внесла Богачевыхъ въ списки мадьевскихъ казаковъ. Но Богачевы вскорѣ ушли въ Акъ-шехиръ, гдѣ за годъ до нихъ устроилась партія румынскихъ старообрядцевъ. Бѣды уже стерегли ихъ. Однажды они везли съ Акъ-шехирскаго озера въ Конію камышъ. Дорогою, въ Ильгёнѣ, въ полночь ворвались въ ханъ черкесы и отняли у нихъ лошадей, а когда казаки вздумали-было протестовать, черкесы пригрозили имъ смертью. Впослѣдствіи, правда, черкесовъ поймали и засадили въ тюрьму; но казацкое добро такъ и пропало. „Тяжело намъ жить, Вл. А.,—закончилъ старикъ свою грустную повѣсть.—Вотъ, Богъ дастъ, мы съ вами познакомимся. Вы поможете намъ написать прошеніе конійскому валію (генералъ-губернатору), а то онъ насъ какъ будто боится. Помню, какъ только мы явились на мельницу, валій вытребовалъ насъ къ себѣ. У него былъ тогда „межлисъ“ (совѣтъ). Пошелъ это я съ „держиманомъ“. Валій слушаетъ, слушаетъ, да и вскинетъ на меня глаза, какъ-будто хочетъ узнать, правда ли все то, что̀ разсказываетъ переводчикъ. Онъ, видно, боялся, какъ бы мы не попортили городской мельницы. Такъ я хочу объяснить ему, кто мы такіе. Мы заплатимъ вамъ, что̀ нужно“. Я отвѣчалъ, что радъ помочь имъ, чѣмъ могу, а если они хотятъ отблагодарить меня, то пусть ска-

жутъ мнѣ старинныя пѣсни. „Э-эхъ, когда я былъ молодъ, такъ много зналъ пѣсенъ, а теперь все забылъ. Ну, вотъ, послѣ Успенія поѣдемъ въ нашу деревню, тамъ посмотримъ. Можетъ, среди акчаирскихъ казаковъ разыщутся знатоки“.

Солнце склонялось къ западу, и я заторопился въ Конію, напутствуемый благопожеланіями обитателей мельницы. Въ головѣ неотвязно бродили думы о горькой судьбинѣ старообрядцевъ, заброшенныхъ въ глубь Малой Азіи.

III.

Отъ времени-до-времени старикъ Богачевъ заходитъ въ Коніи ко мнѣ, такъ какъ подозрѣваетъ во мнѣ „великую силу“. „Я разговорился за васъ,—заявилъ онъ мнѣ,—на мельницѣ съ крымскимъ татариномъ, зачѣмъ это онъ пріѣхалъ въ Турцію.—Видишь ли,—объяснилъ татаринъ,—это государь послалъ его для плантовъ. Два года тому назадъ везъ я въ арбѣ человѣка. Платьишко на немъ худое, рядомъ маленькій чемоданчикъ. Гляжу это я на него, на турка онъ не похожъ, да и не грекъ, словно бы русскій съ лица. Заговорилъ я съ нимъ по-русски, а онъ молчитъ, какъ-будто не понимаетъ. А сзади ѣдетъ верхомъ „заптіе“ (жандармъ). Остановились мы подъ вечеръ въ ханѣ; вышелъ человѣкъ на дворъ и все смотритъ на горы и что-то пишетъ въ книжечку. Должно быть, и тотъ, что былъ у насъ на мельницѣ, изъ такихъ. Онъ прямо помогать тебѣ не станетъ, а только, если захочетъ, все сможетъ сдѣлать, потому что за нимъ стоитъ большая сила“.— „Такъ ли?“—спрашиваетъ меня старикъ и, видя мой недоумѣвающій взглядъ, снова клонитъ долу сѣдую голову.

Тщетно ищетъ онъ заступника, который замолвилъ бы за нихъ слово передъ османцемъ. Раньше казаки находили еще поддержку (у покойнаго консула Левитскаго); но времена измѣнились...

Между тѣмъ, заступничество устранило бы раздоры, охватившіе акъшехирскихъ старообрядцевъ.

Старообрядческое селеніе Авчалъ (Охотничье) образовалось, какъ я уже сказалъ, лѣтъ десять тому назадъ. Осенью 1901 года девять семей старообрядцевъ, выведенныхъ изъ Добруджи „старикомъ“ Калиной, сѣли около Акъ-шехирскаго озера. Подъ Воздвиженье 1902 года подошла другая партія переселенцевъ изъ двадцати одной семьи. Соблазненные быстрымъ ростомъ селенія, мадьевскіе казаки также потянулись на Акъ-шехирское озеро. Теперь въ Авчалѣ свыше сорока дворовъ, а число душъ доходитъ до 250. Сперва старообрядцы жили дружно; но вскорѣ между „старикомъ“ Калиной и вожакомъ мадьевцевъ, Прокопомъ, поднялся споръ. Такъ какъ сначала земля была отведена подъ выходцевъ изъ Румыніи, Калина хочетъ, чтобы селеніе представляло

однородный элементъ, и, опасаясь, что мадьевскіе казаки занесутъ въ Акъ-шехиръ пьянство, всячески тѣснитъ ихъ въ селѣ. Но это одинъ благовидный предлогъ, потому что насчетъ выпивки румынскіе старообрядцы еще потягаются съ мадьевцами. На дѣлѣ, имъ руководятъ, какъ я могъ заключить изъ уклончивыхъ отвѣтовъ Богачева, другія соображенія. Калина, какъ мужикъ расчетливый, знаетъ, что его земляки, изъ благодарности къ своему „пастырю“, безпрекословно будутъ сносить его владычество. Сверхъ почста, атаманство на селѣ доставляетъ большія выгоды, потому что Калина, какъ промежуточное звено въ сношеніяхъ старообрядцевъ съ османцами, можетъ вертѣть своими земляками, какъ ему вздумается, тѣмъ болѣе что по-османски калякаетъ онъ лучше остальныхъ. Мадьевцы, потрепанные долгой жизнью на чужбинѣ, порядочно-таки ослабѣли, и борьба съ хитрымъ мужикомъ имъ уже не подъ силу. Одинъ только Прокопъ, фигура котораго дышитъ непреклонной рѣшимостью, не падаетъ пока духомъ, хотя противники безпрестанно чернятъ его, утверждая, что онъ за деньги пускаетъ въ село не „магачировъ“, а своихъ казаковъ съ Мады.

Раздоры между вожаками партій гибельно отзываются на селеніи, потому что обѣ стороны стараются подкупами расположить къ себѣ османцевъ. Но такъ какъ мотивы ссоръ для османцевъ не всегда ясны, они сохраняютъ равнодушіе и (быть можетъ, изъ матеріальныхъ расчетовъ) не высказываются рѣшительно въ пользу той или другой стороны. Такъ, когда, во время выборовъ „атамана“ села, отношенія между партіями обострились, „афендій“, членъ мухаджирской комиссіи, чтобы создать modus vivendi, утвердилъ старика Калину атаманомъ, а въ помощники ему назначилъ Прокопа. Точно такъ же „совѣтъ стариковъ“ (изъ четырехъ лицъ) составился изъ румынскихъ старообрядцевъ и мадьевцевъ. Однако волненія не улеглись. Возмущенные „атаманствомъ“ Калины, мадьевцы отправились въ Акъ-шехиръ, чтобы подать „каймакаму“ „розувалъ“ о смѣщеніи Калины. Видно, терпѣнію мадьевцевъ приходитъ конецъ, такъ какъ они начинаютъ уже грозить, что спалятъ село и уйдутъ жить къ татарамъ.

Старикъ Калина, извѣщая своего свата, Ѳедора Богачева, о выборахъ, чувствуетъ, какъ шатко его положеніе. „Помнишь, ты сказывалъ намъ,—пишетъ Калина,—какъ твой отецъ 15 лѣтъ держалъ народъ въ строгости въ деревнѣ Новенькой (въ Румыніи). Если сегодня я буду править строго, завтра можетъ быть выбранъ атаманъ, который захочетъ отомстить мнѣ. Ты хлопочи у валія бумагу, чтобы выгнать изъ селенія бунтовщиковъ, если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, Прокопа, потому что онъ вноситъ въ народъ развратъ. А впрочемъ, вамъ съ горы виднѣе“, заканчиваетъ онъ письмо.

„Чудакъ, право, Калина,—вставляетъ Богачевъ замѣчаніе.—Точно

забылъ онъ, какъ морочилъ меня акъ-шехирскій каймакамъ. Изъ Стамбула, значитъ, поѣхалъ я въ Акчаиръ. Разыскали это мою бумагу и говорятъ: мы пошлемъ ее въ Конію, а ты приходи черезъ недѣлю. Пришелъ я. Подожди еще. Такъ ходилъ я къ нимъ мѣсяца три; подъ конецъ плюнулъ и поѣхалъ хлопотать въ Конію. Да и то сказать, каймакамъ—строгій, онъ съ тобою разговаривать не станетъ. Вотъ „малмедюръ“ (казначей)—хорошій человѣкъ; усадитъ и ласково такъ разспрашиваетъ. А сколько лебедятъ потаскалъ я каймакаму, когда черкесы отняли моихъ лошадей,—вздыхаетъ старикъ,—обѣщалъ вернуть, а все пошло прахомъ. Бѣдныя мои сироты! Боюсь я, что смерть подойдетъ, а мнѣ хочется устроить дѣтокъ, чтобы не разсыпалась семья, когда я умру“.

Разумѣется, безвыходность положенія старообрядцевъ, раздираемыхъ спорами, бьетъ въ глаза; однако разсказъ Богачева, повидимому, тенденціозенъ: онъ все время старается обѣлить Калину и привлечь мои симпатіи на сторону румынскихъ старообрядцевъ. Ужъ не скрываетъ ли онъ чего отъ меня?

IV.

Вѣроятно, османскій шутъ, Наср-эд-динъ ходжа, прахъ котораго покоится въ Акъ-шехирѣ, окруженный суевѣрными предразсудками, втайнѣ смѣется надъ „московомъ“, такъ безполезно растрачивающимъ свои силы.

У въѣзда въ городъ высятся двухъэтажные дома, выстроенные шинкарями на казацкія деньги. Разъ въ недѣлю въ городѣ бываетъ базаръ. Тогда сонный городъ преображается. На улицахъ шумъ и гамъ. Покачиваясь изъ стороны въ сторону, проходятъ пьяные казаки, на которыхъ мирные обыватели, впервые наблюдающіе русскій разгулъ, смотрятъ широко раскрытыми глазами. Конечно, они еще болѣе бы изумились, если бы могли постигнуть смыслъ отборнаго сквернословія, безсмысленно повторяемаго вслѣдъ за казаками ребятишками городка. Между тѣмъ, въ шинкахъ, укрытыхъ отъ любопытныхъ взглядовъ, идетъ разливанное море. Чтобы заглушить тоску, казаки систематически отравляютъ свой организмъ алкоголемъ. Шинкарь зорко слѣдитъ за своими гостями: буйныхъ онъ выпроваживаетъ со двора, а за болѣе зажиточными ухаживаетъ и открываетъ имъ широкій кредитъ въ счетъ будущихъ заработковъ. Подъ вечеръ пьяные казаки, неистово дергая лошаденку, ѣдутъ къ себѣ въ деревню, всюду вызывая косые взгляды.

Разгоряченные виномъ, казаки охотно обнажаютъ душу, и бесѣды съ подгулявшими старообрядцами вскрыли передо мною тайныя ихъ мысли, опредѣляющія ихъ взаимныя отношенія. Между ними существуетъ религіозная рознь. Румынскіе старообрядцы—безпоповцы и сторо-

нятся отъ духовной власти. У мадьевцевъ, правда, также нѣтъ поповъ; но они глубоко объ этомъ скорбятъ и готовы взять въ попы всякаго проходимца. Манифестъ о свободѣ совѣсти успѣлъ дойти до нихъ, и, страдая отъ неурядицъ, они подумывали даже одно время объ обратномъ выселеніи въ Россію. Ближайшимъ поводомъ къ столкновенію мадьевцевъ съ румынскими старообрядцами послужило поминовеніе родителей. Очевидно, пока селеніе было безлюдно, Калина радъ былъ притоку переселенцевъ, даже другого толка, и шелъ на уступки. Но едва онъ почувствовалъ подъ ногами почву, онъ дерзко сталъ издѣваться надъ мадьевцами. Какъ лицо, исполняющее въ селѣ церковныя требы, онъ объявилъ, что не можетъ поминать въ молитвахъ ихъ родителей, умершихъ въ Румыніи въ ереси. Мадьевцы, принадлежащіе къ поповскому толку, были смущены и оскорблены не только въ сыновнемъ, но и въ религіозномъ чувствѣ, такъ какъ румынскіе старообрядцы подрывали устои поповскаго согласія австрійскихъ старообрядцевъ, канонизованнаго въ ихъ глазахъ со времени буковинскаго епископа Амвросія (въ серединѣ XIX вѣка).

Занятые исключительно религіозными вопросами, въ которыхъ большинство обнаруживаетъ огромную начитанность, казаки забываютъ, что жизнь на чужбинѣ выдвигаетъ и новыя задачи, отъ удачнаго разрѣшенія которыхъ зависитъ ихъ благоденствіе.

Старообрядческое село расположено на равнинѣ и, хотя его окружаютъ черкесы, оно безпечно вытянулось широкой улицей. Когда черкесы совершаютъ ночныя нападенія на казаковъ (къ счастью, это случается довольно рѣдко), они спокойно грабятъ на одномъ концѣ села, увѣренные, что крики беззащитныхъ жертвъ не будутъ услышаны ихъ сосѣдями.

Съ внѣшней стороны избы казацкія уютны, хотя не всѣ успѣли еще выстроить службы; но онѣ биткомъ набиты народомъ, потому что мухаджирская комиссія медленно межуетъ землю, и новыя партіи переселенцевъ должны зачастую ютиться у своихъ болѣе счастливыхъ земляковъ.

Вообще условія, въ которыя поставлены старообрядцы, тяжелы. Обыкновенно мухаджиры пользуются въ Турціи въ теченіе первыхъ семи лѣтъ льготами; но внутренняя неурядица, царившая на двухъ противоположныхъ концахъ Османской имперіи (въ Македоніи и Іеменѣ), требовала крайняго финансоваго напряженія. Не только мухаджирскій паекъ („таинъ“), никогда не выдававшійся имъ полностью, былъ отобранъ, но уже на второй годъ по прибытіи съ нихъ стали взыскиваться всевозможные налоги, бремя которыхъ, какъ показали происходившіе въ послѣднее время безпорядки въ Азіатской Турціи, невыносимо даже для долготерпѣливыхъ мусульманъ. Казаки пробовали жаловаться, но всѣ

ихъ просьбы не имѣли никакого успѣха. Тяжесть налоговъ значительно увеличивается еще потому, что въ Турціи до сихъ поръ сохранилась откупная система. Сборъ съ зернового хлѣба, такъ называемый „ушюръ“ (десятина),—хотя на дѣлѣ взимается одна восьмая,—сдается въ каждомъ вилайетѣ на откупъ тому, кто больше предложитъ. Откупщикъ, затратившій большія деньги на подарки чиновникамъ въ присутственныхъ мѣстахъ, во что бы то ни стало долженъ вернуть съ лихвой капиталъ, и безжалостно выколачиваетъ изъ населенія, что̀ только можетъ. Когда я гостилъ у старообрядцевъ, въ деревнѣ уже расположились приказчики откупщика, наблюдавшіе за тѣмъ, чтобы казаки не увезли тайкомъ хлѣба съ полей. Ни въ одной избѣ не обходилось мирно: всюду бабы подымали вой, но откупщикъ, сильный плетью жандармовъ, нагло обмѣривалъ казаковъ.

Да и то сказать, земледѣліе—побочное занятіе казаковъ. Они отъ него давно уже отвыкли, и ихъ больше привлекаетъ рыболовство. Послѣ Успенія казаки покидаютъ село и уѣзжаютъ на зиму на лиманы. Такъ какъ въ Акъ-шехирскомъ лиманѣ, лишь съ недавняго времени извѣстномъ казакамъ, рыба водится въ большомъ изобиліи, казаки отовсюду изъ Малой Азіи съѣзжаются въ Акъ-шехиръ. Хотя рыбный сезонъ только что открывался, я воспользовался своимъ пребываніемъ въ Акъ-шехирѣ, чтобы съѣздить на озеро, отстоящее отъ города верстахъ въ четырехъ-пяти.

Признаюсь, не безъ страха садился я вечеромъ въ Акъ-шехирѣ въ телѣгу съ пьяными казаками, которые съ утра хотѣли уже ставить сѣти. Но мои опасенія были напрасны. Сначала, правда, ихъ нѣсколько смущала моя феска, символъ турецкаго подданства, даже басурманства, однако, немного попривыкнувъ, они уже относились ко мнѣ съ полнымъ радушіемъ. Только во время ѣды они обособлялись и наливали мнѣ уху въ отдѣльную миску, часто повторяя какъ бы въ свое оправданіе: „мы ни съ кѣмъ не смѣшиваемся“. Недаромъ у каждаго изъ нихъ въ карманѣ свой стаканчикъ, изъ котораго онъ пьетъ одинъ. Впрочемъ, молодежь въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, вольнодумнѣе.

Подъѣхавъ къ „скеліи“ (пристани), мы пересѣли въ лодку и съ полчаса медленно двигались среди камыша, пока не добрались до крохотнаго островка. Часъ былъ поздній. Утомленный дневными разговорами съ пьяными казаками, я заснулъ на соломѣ, бережно укутанный казацкой одеждой. Картина, представшая моимъ глазамъ утромъ, заслуживала бы болѣе искуснаго пера. Кругомъ царилъ мракъ. Единственное отверстіе, дверь, откуда могъ проникать свѣтъ, было закрыто. Воздухъ былъ спертый и смрадный отъ испареній, подымавшихся отъ десятка спавшихъ мертвецкимъ сномъ казаковъ. Скоро забрезжило утро. Одинъ за другимъ стали просыпаться казаки. На зарѣ всѣ уже поднялись и

быстро снарядились на рыбную ловлю. Обыкновенно казаки ловятъ рыбу артелями, такъ какъ сѣти сто́ятъ довольно дорого, и не всякій можетъ затратить на нихъ большую сумму. Есть, впрочемъ, и такіе, которые, чтобы избѣжать зависимости отъ богачей или необходимости отдавать львиную долю улова хозяину сѣтей, предпочитаютъ работать въ одиночку. Въ тотъ день мы до самаго заката ѣздили по озеру, закидывая сѣти. Вечеромъ, усталые, мы возвращались къ себѣ въ лачугу. Вѣтеръ, дувшій днемъ, стихъ; озеро стало зеркальнымъ, и любуясь закатомъ солнца, мы ощущали на душѣ какой-то покой. Всѣ ушли въ созерцаніе. Разговоры стихли. Только рѣдкіе взмахи „баскъ“ (веселъ) нарушали тишину. Но—чу!—откуда-то донесся пріятный голосъ. Молодой казакъ затянулъ пѣсню, мгновенно перенесшую меня въ среднюю полосу Россіи:

„Сине море взволновалося,
Бѣла рыбица спужалася.
Проискались про ту рыбицу ловцы,
Вотъ ловцы, ловцы, московскіе купцы.
Закидали шелковыи невода,
Вынимали бѣлу рыбицу съ воды.
Стали рыбицу роспластывати,
Стали въ рыбицы розспрашивати:
Каково ль тебе рыба жить въ водѣ?
Таково ль мене безъ милаго дружка,
Безъ милово, безъ донсково козака.
Я по бережку похаживала,
Чернобыль-траву заламливала,
Сѣрыхъ гусевъ заганивала:
Гыль, гуси, гыль, сѣрыи, домой!
Яль вы гуси не найлавались,
А я млада не наплакалась!
Давно съ милымъ не видалась я въ глаза.
Я увидалася, взрадовалася.
Не фатай, парень, за бѣло лице:
Мое личико розгарчистое,
Моя маменька догадлива.
Придетъ домой, догадается,
Отчего лице розгорается,
Чи отъ пива, чи отъ зелена вина,
Чи отъ той ли водочки анисовой.
Сладка водочка анисова,
Тисовая кровать расписаная,
Расписаная, розмулеваная.
На кроватушкѣ перинушка лежитъ,
На перинушкѣ молодой дѣтинушка лежитъ“.

Пойманная казаками рыба скупается обыкновенно промышленниками, которые для этой цѣли пріѣзжаютъ даже изъ-за границы. Чаще

всего имѣютъ сношенія съ казаками болгаре; но въ томъ году вслѣдствіе покушенія на султана болгаре были въ подозрѣніи, и, воспользовавшись отсутствіемъ конкурентовъ, мѣстные купцы сбили цѣны. Казаки доставляютъ рыбу на берегъ и здѣсь, по опредѣленіи вѣса (для взиманія налога), рыба чистится и солится. Въ помѣщеніи для чистки рыбы, такъ наз. „кырганѣ“, работаютъ тѣ же казаки, но заработокъ ничтоженъ и никогда не превышаетъ 45 франковъ въ мѣсяцъ. Впрочемъ, рыбаки выбиваютъ тоже не Богъ вѣсть сколько: заработать за зиму 150—200 рублей считается уже очень хорошимъ дѣломъ; въ среднемъ же заработокъ колеблется между 90—120 рублями.

Взобравшись верхомъ на одну изъ бочекъ, отвозившихъ въ городъ просоленную рыбу, я распрощался съ казаками.

V.

По мѣрѣ того какъ я отдалялся отъ казаковъ, представленіе о нихъ отливалось у меня въ болѣе осязательную форму. Упреки казаковъ въ безшабашности замирали на устахъ; я проникался все бо́льшею и бо́льшею жалостью къ нимъ. Измученные всяческимъ гнетомъ, они бѣжали изъ Россіи, но они ея не забыли, а, можетъ быть, еще горячѣе полюбили. Воспоминаніе о родинѣ приняло обликъ идеала, въ поискахъ котораго раскрывается мягкость и поэтичность славянской натуры. Среди всеобщихъ ликованій надъ пораженіями русскихъ казаки одни болѣли душой. Они жадно слушали мои разсказы о войнѣ съ „жапономъ“; но вліяніе войны на эволюцію русскаго общества отъ нихъ ускользало, и извѣстія о волненіяхъ внутри Россіи ихъ изумляли и даже раздражали.

Народное творчество могло бы всего яснѣе развернуть передъ нами богатство ихъ духовной жизни; но вслѣдствіе краткости времени, проведеннаго мною въ гостяхъ у казаковъ, я записалъ только двадцать пять нумеровъ лирическихъ пѣсенъ, изъ которыхъ лишь очень незначительная часть представляетъ извѣстный интересъ. [1]) Громадное большинство проникло въ народъ изъ лубочныхъ пѣсенниковъ и изданій; попадаются также солдатскія и казацкія пѣсни, занесенныя въ Румынію эмигрантами и бѣглецами изъ Россіи. Пѣсни, сложившіяся въ Румыніи, немногочисленныя по своему количеству, своеобразнѣе прочихъ; въ нихъ рисуется пьяное веселье, усвоенное казаками у румынъ. Задѣвая въ пѣсняхъ османцевъ, казаки какъ бы вознаграждаютъ себя за подневольное положеніе: „А мы турковъ не боялись“, „ужъ вы, турки-басурмане, покоритеся вы намъ“, зачастую выкрикиваетъ въ пѣснѣ казакъ.

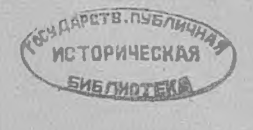
[1]) Переданы въ архивъ Этнографическаго Отдѣла.

Вообще жизнь среди иностранцевъ наложила сильный отпечатокъ на старообрядцевъ. Ихъ языкъ, и безъ того пестрый отъ разнообразнаго состава эмигрантовъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ уголковъ Россіи, впиталъ въ себя массу румынскихъ словъ. Въ Турціи старообрядцы поселились недавно; но знакомые съ османскимъ языкомъ еще въ Румыніи, они охотно заимствуютъ османскія слова и выраженія и даже щеголяютъ ими. И странно слышать, какъ степенный старообрядецъ, начитавшійся священныхъ книгъ, ввертываетъ въ свою книжную рѣчь османскія слова, хотя, съ другой стороны, онъ трунитъ надъ мадьевцами, у которыхъ подражаніе османцамъ (не только въ языкѣ, но и въ одеждѣ) переходитъ границы естественнаго.

Было бы ошибочно думать, что во всемъ этомъ сказывается легкомысліе казаковъ. Разухабистыя пѣсни, шутливое подражаніе языку османцевъ,—все это только показная сторона ихъ жизни. Ихъ міровоззрѣніе скорѣе грустное, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ ихъ пословица: „Терпи душа,—будешь спасена“ и т. д. „Спился—съ дороги сбился“, ставятъ казаки надъ собою приговоръ. Помимо моей неопытности, неудачныя записи пѣсенъ объясняются ихъ неохотой дѣлиться съ чужимъ человѣкомъ своими сокровищами. „Здѣсь не только разучишься пѣть пѣсни, а и хлѣбъ ѣсть“, меланхолически замѣтилъ мнѣ старообрядецъ, когда я упрашивалъ его сказать мнѣ пѣсни. Когда же въ чаду опьянѣнія мысль о тягостяхъ жизни отлетаетъ, пѣсня свободно рождается и льется безъ-удержу.

Семь лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ я повстрѣчался въ Малой Азіи со старообрядцами. Но въ ушахъ звенитъ еще ихъ жалобное причитаніе: „Мы скитаемся, какъ юрюки [1]); за малое держимся, а большое гибнетъ“. Въ этомъ скорбномъ сознаніи своей безпомощности точно отзвукъ мудрости Владиміра Мономаха, горевавшаго о розни русскихъ князей.

Конія—Москва.

---

1) Кочевые мало-азіатскіе турки.

Оттискъ изъ журнала „*Русская Мысль*“, 1912, кн. XII.